

К одному из таких камней прижималась могила Веры

Зоб... он давит мне шею, он мешает говорить и дышать, и отчего... отчего не имею право на слово только я, но не тот, кто гордым рокотом своего злого крика всё рушит? Его главная сила... честность... открытая откровенность его вида... Меня никогда не было. Именно стремление к возвращению исторической справедливости, именно право исправления распятия Христа богоборцем... Чудо не совершится с тем, кто перестал в него верить. Отчего-то глотка Иеремии была заткнута большим острым камнем, снаружи подобным жирному блестящему зобу. Кратчайший путь лежит через объезд: избежать рисков можно только при согласии со срединной судьбой, при стачивании внешнего существования своего в мире; так, деятельнее окажется тот, кто рискует каждое мгновение своей жизни: только смелая честность сможет разрушить пустоту человеческой ошибки или...

Иеремия имел большие тёмно-зелёные глаза, накрытые красными, почти голыми бледными веками. Лицо парня было треугольным, и режущие длинные края его выправляли вперёд тонкие, вечно шелушащиеся губы, разъединяющие сверху сиреневые угловатые линии сухой кожи чуть более тёмной ямкой. Аккуратный недлинный нос был обрамлён, как и всё его лицо в целом, частыми плоскими родинками цвета молочного шоколада и редкими атрофическими рубцами, сбивающимися неравномерно распределёнными красными кляксами несвежих прыщей. Еря был лопоухим, и то он старался скрыть отсутствующей, обязавшейся хоть немного скрыть изогнутые сверху уши причёской, что чаще создавала впечатление исключительно неаккуратного юноши, ещё и выправляющего волосами посередине своей головы широкую, только еле закручивающуюся мелкими рогаликами рыхлую тарелку. Постоянно облезавшие и зудящие, его руки нередко покрывались глубокими кровавыми трещинами, а внешняя часть ладони всегда держала на себе твёрдую рассыпчатую чешую.

Одной из главных особенностей тела Ери является удивительная живучесть всё же порой тревожащих его иными патологиями кожных покровов: часто он получал серьёзные травмы и что-то ломал, хотя в студенческие годы пока и удавалось избежать путающих всё жизненное повествование повреждений; несмотря на это, он совсем не походил на человека, перенёсшего шесть открытых переломов с бесчисленным количеством резаных и рваных ран и обширных ожогов. Кожа его, вроде, и казалась чаще совершенно обычной, за исключением пяти-семи видных красных шрамов, довольно сильно выпуклых, иногда размазанных сразу по значительной площади гипертрофических рубцов. При пристальном же взгляде можно было понять, что большая часть всего тела студента покрыта бугристыми, выгодно принявшими оттенок остальной кожи холмиками и плотными крупными буграми разводов, разбавленных длинными канавками ровных порезов. На лице его едва виднелась одна длинная, рассекающая

губу и сминающая её кончик линия, что соединялась у подбородка другим гладким надрывом; во внимательном, требующем прямого упора рассмотрении почти всё тело несчастного студента продолжало нескончаемый, расходящийся множеством сегментов узор всё новых нитей разламывающих его на мелкие, иногда прикреплённые, кажется, только длинными подкожными пластинами части шрамов.

Иногда Иеремия, что никак не поддерживал и каждый раз хулил Даня, носил женскую одежду. Понимая, однако, качественную вычурность этого дела, студент никогда не обращался в женские магазины напрямую, а только делал заказы, забирая те без примерки, каждый раз объясняя для себя свой поступок обыкновенной привычкой. Начал носить он её исключительно из соображений об удобстве и функциональности: общем, Еря действительно был чрезвычайно невысоким парнем, небольшой, да всегда иссушенный рельефом секущихся плотных мышц вес которого еле доходил до пятидесяти килограммов. Женские брюки подстраивались под слегка выступающие худые бёдра, а короткие, предназначенные оголению живота футболки решали, вероятно, не столь насущную, но вполне существующую проблему обычно заметно короткого туловища парня. Иной раз слегка выпирающий под силой ветра живот, рассечённый острыми, немного опухшими выпирающими бледными венами мышцами, кончающимися природно лысым пупком, полностью обнажался. То смущало всех вокруг: всех, кроме, думается, самого парня, никак не заинтересованного в собственной и чужой телесности.

Часто футболки его полностью открывали худые, покрытые множеством рубцов плечи, и даже очевидно женский рисунок на них мог заставить Иеремию при выходе из дома идти на неоправданный риск, да выбор одежды, стоит сказать, выглядящей на нём совершенно обыденно, никогда не решал Ерю как человека. Выросший в достаточно неблагополучном месте, он ни разу не испытывал всегда привычный ему по любой неразборчивой причине страх из-за тонкой полосы едва оголённого над брюками живота; возможно, то происходило в связи с тем, что отчего-то в первую очередь люди наблюдали в нём совершенно мужскую честную речь, хотя и проговариваемую прерывистым болезненным нежным голосом. В окружении людей безнравственных и оконченных зачастую Иеремии удавалось сохранить лицо благодаря удивительной способности видеть в ближнем именно человека, которого за всю жизнь в другом могут так и не найти. Даже среди людей, уже готовых силой обокрасть его, ни разу ещё не встретился тот, что обворовал бы студента при помощи грубой силы и решился бы на то снова: вероятно, Еря являлся самой страшной потенциальной жертвой уличного бандитизма исключительно благодаря своему согласию с ужасами жизни. Обыкновенно каждый, кто сталкивался с видимой угрозой чести или материального состояния, решался сразу же бежать или отвечать недоброжелателям тем же, да Еря ничего не боялся: вид

подростка или повзрослевшего преступника, тыкающего у его горла ножом, попросту не вызывал и незначительной части страха, в котором его ежедневно убеждала жизнь, так и не оставившая даже самого незначительного, самого прозрачного зазора для обращения. Люди слышали и понимали человеческую речь и потому вызывали гораздо менее страха, чем жизнь, на молитвенные просьбы отвечающая одним лишь молчанием. Горы приносят ему пищу, и там все звери полевые играют: люди, даже самые нетрезвые умом и телом, не могли совершить над собой усилие откровенного прагматического вреда человеку, казалось бы, не только полностью и добро понимающему их, но и переживающему то же самое, испытываемое во множество раз более пугающим числом и всё же оставляющее в парне не просто человеческое, но то именно, что в загрязнённом небрежном облике вежливого, очевидно гневающегося и раскаивающегося студента обличало и для самых бесчеловечных окружающих странное чувство безусловного, обретающегося в них чуть позолоченной тёплой добротой уважения, ясного и видного абсолютно для всех людей, будь то преступник или судья.

Обувался Иеремия, нужно заметить, также несколько странно, хотя решения эти, видимо, устремлялись к игнорированию внешнего вида в сторону прагматической полезности предмета: в середине мая он даже не думает о смене обуви, в настоящий момент представляющей собой дешёвые, обитые у подошвы шарами хромированной металлической пластины сапоги с чёрным мехом и яркими жёлтыми кнопками, словно выдавливающимися из складок некачественной, расходящейся у основания почти каждой из них искусственной кожи. Решение это, думается, исходило из соображений о том, что тяжёлая обувь скорее удачно приземлит во время падения, чем покалечит. На шее его всегда был намертво затянутый узлом, еле распадающийся на часто торчащие за его футболкой нити бежевый шнур, на котором, иногда застревая, висел вылитый ромбом медальон с вершинами в форме восьмиконечных, соединённых воедино разных звёзд и со свободным от волосяной фактуры лицом в центре, облитым сзади стилизованным дамасцировкой клетчатым узором, будто устраивающим излишне грубые прямокой формы силуэты зеленоватых шакалов. Медальон этот подарила ему мама, и со временем стёршиеся дуги тонкого узора объединились с очертаниями словно начавшего кричать лица, на лбу нарастившего чуть заметное кругловатое пятно, выделяющегося теперь неизвестно отчего медным бордовым блеском. Также на его тонкой, почти детской шее висела неподходяще толстая серебряная цепь панцирного плетения с крупным, прежде позолоченным и от возраста полностью посеребрившим крестом. Его Иеремии подарила некогда бабушка, почти силой во время семейного отдыха увлёкшая мальчика в кафедральный собор города, где он сейчас обучался. Подарок этот сделала бабушка со стороны матери, по неудаче Ери сбита поездом в заблокировавшей двери машине.

Последним видным аксессуаром парня были купленные отцом большие, несколько нелепо выглядящие, да всегда напоминающие студенту о заботе родителя часы, изначально предназначенные для пловцов и водолазов: только пару раз незначительно повредив, он достойно оберегал подарок от окружающих его бед, отказавшись и от того, чтобы во время сна снимать их, пока они сильно, почти до посинения ладони сжимают его правую руку в иногда довольно суровой своей твёрдостью и невеликим размером кровати; Иеремия был левшой, и информацию о том главно предоставляли относительно частые для немногословного студента вопросы коллег и одногруппников о том, для игры ли с общим правилом ношения часов он надел их на ту же руку, которой пишет.

Нельзя сказать, что это тяжело: прижимаясь к коленям, выправленным в воздухе под прямым углом, уже собравшим на себе тугие потные разводы, я не испытываю боли или достойного внимания изнеможения, однако спать... мне так хочется спать, и блажь, скрытая отравленным пробуждением удовольствием, мешает мне выполнять упражнения должным образом. Пространство, уделённое кухне, иногда уступающей небольшим горкам смешанного с когда-то собранной и оставленной здесь пылью мусора, очень невелико, и внутри него я каждое утро, кроме выходных, занимаю себя интенсивными упражнениями без перерывов, зачастую выполняемыми в несколько менее агрессивной форме из нежелания будить соседей снизу. Глухой, ненавистный уже из язвенного ожидания звон интервального таймера прерывает моё неустойчивое, чуть пошатывающееся и слабостью уставших мышц положение, и я, видимо лениво переваливаясь на быстро подставленные предплечья, начинаю ударять сначала довольно энергичными ногами напрягшуюся навесу грудь, и так две минуты: некогда тяжёлые, требующие сперва серьёзного восстановления тренировки уже не порождают во мне такой уж значительной усталости или боли в тогда неподвижных целыми днями мышцах. Такая продолжительность кардиотренировки не сможет напугать опытного спортсмена, да первое время, когда я был ещё, в существе своём, совершенным ребёнком, подобные упражнения давались мне с величайшей сложностью; через некоторое время я привык и обмяк тем ещё, что не стремился к большему результату или улучшению своего внешнего вида, которому почти никогда и не уделял значительного внимания. Иногда отдельные упражнения выполнялись лениво и с перерывами: тогда я прикладывался к красному, подобному винной пробке коврику, что в своё время купил на самые последние деньги. В моменты этой неблагородной слабости я не восстанавливал дыхание, а попросту вываливал сонным оскалом язык и молча смотрел на масляные пятна побитого кухонного гарнитура.

Человек, видящий это впервые, вероятно, заметит за собой тихий укор, направленный на нерадивого, хотя и стремящегося к лучшему студента, однако стоит ему понаблюдать за этим на протяжении месяца, который Иеремия честной верностью продолжает нести все свои

обязанности и ежедневные ритуалы, предназначенные уменьшению рисков в отношении ухудшающегося в любом случае здоровья, и в нём останется только стойкое, приличное понимающему человеку уважение; стоит кому-то смотреть все семь лет на то, как студент без каких-либо отговорок и малодушных исключений каждое утро буднего дня выполняет разнообразные упражнения чрезвычайно высокой, даже не позволяющей отдохнуть и одну минуту интенсивности: людей, способных только наблюдать тот ежедневный тяжёлый труд, от которого Иеремия даже не думал бежать, очень немного: вероятно, столько даже, что иной современник с подобными никогда в своей жизни не столкнётся, только иногда слыша редко свистящее мифическим, обособленным от реальности самовлюблённой оправдательностью образом упоминание о них в книгах.

Почти окончательно позеленевшая усиливающимся горячим ростом трава подшёптывала мне что-то, но я того не слышал: после озябших бесцветным молчаливым ступком пар пришлось поспешить на работу, отказавшись от обыкновенных моих мер безопасности. Погрузившись в чёрное, лишённое естественного света метро, я пробежал мимо людей, упиравшихся в резиновые, всегда отстающие поручни эскалатора, и пробежал к середине светящейся амиантовым глянцевым блеском подземной станции, в которой продолжалось гудение только что отъехавшего поезда, лязгающего затихающим металлическим грохотом. Я без труда влез в скоро приехавший, свободный почти наполовину вагон и поскользнулся на довольно длинном, простирающемся за порог пятне, вылившемся из теперь пустой, немного смятой оранжеватой бутылки газировки, откатившейся к дверям с обратной стороны. К счастью, удалось не испачкаться: раздавив на плече начинающуюся с болезненного красного пятна гематому, я встал и упёрся в нависший сверху запахом пота, касающегося стали, поручень. Я проехал две станции и встал за очередью людей, направившихся с сидений к выходу: как раздался скрип раздвигающихся шумным ударом дверей, получилось вполне своевременно вывалиться из дребезжащего человеческим толканьем вагона, однако подросток, пробежавший сзади небрежной спешкой, неожиданно обнаружившей остановку, задел мою голень, только ступившую на плитку бахнувшей затхлым запахом станции, и я снова упал: теперь на прочный холодный камень, распаливший глухо бахнувший негромким шлепком удар на всю станцию, оттого несколько не поморщившуюся особенно стойким вниманием, положенным продолжением всё неизменного безличного шага. Пока я вставал, концом тяжёлой, даже не заметившей препятствие в виде моего тела подошвой мне отдавили руку, отчего вскрывшаяся на большом пальце правой руки рана разошлась быстро вырывающимися потоками чёрной крови, падающей на пол ровными густыми струями. Я достал из рюкзака, запачкавшегося скоро темнеющими кляксами, неслышно шуршащий зеленоватый пакет, под который подставил произвольно

изливающуюся в случайные стороны руку и в котором на ходу обработал рану, свернувшуюся желтоватой розочкой отлипшей от сухожилий кожи.

Когда я вышел из метро, в мой левый глаз прилетел острым уголком поднявшийся с земли бумажный мусор и я выронил пакет и пролил большую часть незначительного, всё же растёкшегося длинным шлейфом содержимого на ступеньки к станции, после чего проходящий рядом парень, также поскользнувшийся и измазавший всё лицо в моей крови, раздробил себе при падении нос, вытянутый теперь двумя тонкими мясистыми пузырями.

Продолжающий пищащими надрывами извиняться, уже побледневший от серьёзной, наглядной всем кровопотери Иеремия вызвал скорую парню, удивлённо смотрящему на свой раскрошившийся надвое нос, и с разъедающим, стонущим искрящейся виной чувством побежал на работу: он никак не мог опоздать, хотя за то, впрочем, ему ничего бы и не было. Его сменщик, прозорливо осознавший ситуацию в день, когда у студентов появился Игорь, смог прикрыть парня почти во всём, и потому тот не понёс никакой ответственности. Еря часто перерабатывал, и любой из его коллег спокойно отнёсся бы к иному отсутствию студента, допустившего подобное, в чём они были бы уверены, точно не по своей воле. Добежав до торгового центра, в котором работал, Иеремия разваливающимся, отбрасывающим препятствия и проходящих мимо людей полубегом устремился в мужской туалет на предпоследнем третьем этаже, находящемся на один ниже места его работы. Продолжая отрывивать кровь в поднятый с земли, уже отяжелевший чёрным вонючим пузырьём пакет, он смог наконец выкинуть его и начать промывать кажущуюся сперва и не столь серьёзной, продолжающую кровоточить рану. С несколько секунд ещё проверяя настоящее положение, он выдохнул горячим кариозным воздухом и достал из пошатывающегося рюкзака круглую хирургическую иглу, запечатанную в голубой, только еле слышно шуршащий среди давления свистящей на весь туалет холодной воды пакетик, и намотанный на неширокую полую катушку зеленоватый шовный материал. Еря ещё раз обработал рану и, сжимая скрипнувшими зубами поднявшуюся со дна сумки запасную футболку, вошёл звонко хрустнувшей острой иглой под кожу, дёрнувшуюся неживым, болтающимся в разные стороны трясущейся белой рукой тряпьём. Сверяясь скорее с болью, тупо упирающейся словно в самую глубину разрывающейся на месте прокола ладони, смотрящий больше в зеркало общественного туалета, покрытое жирными пятнами цвета миндального масла, студент нащупал изнутри нужное место и ещё раз проткнул неподвижную холодную руку. Иеремия покрылся толстыми пузырями пота, иногда скатывающегося прозрачными тёплыми струйками, однако уже закрученные к концу швы, облитые запекающейся свернувшимися комьями кровью, наконец остановили болезненные потери постепенно перестающего дрожать решительной спешкой студента.

Залив умывальники смешавшейся с водой, стекающей кривыми линиями кровью и введя в ступор мужчин, обратившихся к туалету в то же время, Еря неаккуратно, но умело забинтовал руку и надел поверх неё белую, взбухшую недостаточностью своего размера силиконовую перчатку. Так, уже меньше потеющий, он быстро прибрался у заляпанной раковины с сенсорными, всё это время выдавливающими из себя гудящую воду датчиками и вышел к последнему эскалатору, открывшемуся прямо у скрывающего туалеты коридора; бегло бросив взгляд на массивные, неуместно крупные, словно обречённые болтаться и при самом туго затянутом ремешке часы, Иеремия выяснил, что осталось ещё три минуты. Так, с улыбкой, странно сочетающейся с лихорадочной болезненностью лица, болтая сзади бьющим в обе стороны рюкзаком, он радовался удавшейся операции. За свою жизнь студент зашивал себе открытые раны целых пять раз: сегодняшний же шов был самым простым, хотя и путал естественным образом использование вспомогательной правой руки.

Рассудок, смазанный всё же ядовитой дымкой непонимания, мешал мне вводить код у входа, однако совершенно никак не влиял на выполнение моих обязанностей. Ребята давно привыкли, что иной раз я мог прийти с обвязанной чем-то и даже выдающей за бинтами пятна почерневшей крови рукой или хромя, и потому важны были только мои знание дела и скорость. Заведения общественного питания, как может сперва показаться, не сильно подходят мне, человек нерасторопному и неудачливому; в самом начале своей студенческой карьеры я действительно часто ронял вываливающие на пол целые пакеты готовой продукции лотки, не туда клал мясо и даже ловил уже готовой едой отчего-то тогда часто падающие в руки контактные линзы, которые на работе я совсем никак не мог заменить заправшими линиями кожного сала очками, изредка надеваемыми мной только дома. Несмотря на это, оказалось всё же, что в настоящем деле гораздо важнее честно и быстро работать, чем мельтешить вечным избеганием незначительных ошибок и ветреных неудач: на фоне чужой небрежности моя неудачливая аккуратность выглядела довольно выгодно, и потому меня здесь приняли и полюбили, хотя иногда коллеги и раздражались из-за иной неприглядной случайности, невозвратно разваливающей образ жертвенного, готового на мужественный самозабвенный труд человека.

Шесть лет засевай поля и собирай урожай, а на седьмой год пусть земля отдыхает под паром. Я всегда старался прикладывать усилие не только ради спасения своего всегда бедственного положения, но и в помощь ближним: робкая, несколько забавная мысль о пользе моего труда порой помогала продолжать дело, уже освободившееся от оков дрожащей неофитовой обязательности и ещё не принявшее облик рутинно продолжающегося в себе занятия. Переодевшись, я вышел сперва на салатетту, позволяющую отвлечься от произошедших неожиданностей и собраться с мыслями, а после — на кассу, когда волнение

моё поутихло и я вклинился в привычное дело профессиональной выдержкой, позволяющей даже отдалиться умом от тела, повторяющего давно заученные и повторённые множество раз вещи; так, иногда помогая ребятам, которые просили помощи, и продолжая известные, только изредка сменяющиеся занятия, я и провёл время до закрытия и чуть больше. Закрыв мойку, я вышел из ресторана с коллегой, также студенткой, и прошёл по крытой, уже засвеченной темнотой лестнице вниз. Работа не требовала выдающихся жизненных ресурсов, по крайней мере, моих: я скоро привык к темпу работы с почасовой оплатой и даже смог в этом преуспеть. Я чувствовал себя комфортно и иногда уютно, за тем часто переживая о заправке и поставках с их распределением: уверен, за все полтора года работы мне не единожды пришлось распространить свою неудачу на продукцию, да за это время жалоб на меня не было. Думается, проще отказаться от желания помогать людям и доставлять им своими трудами удовольствие, поскольку нередко риски оказывались совершенно неприличными, но сейчас: сейчас всё именно так, как мне хотелось бы.

Я не мог решиться на такси и ещё успевал уехать на последнем автобусе, что, в общем, и сделал после сопровождения коллеги до другой остановки, с которой она уже успела уехать: сегодня она вела себя достаточно странно, после моего ожидания совсем уж гипертрофированно обрадовавшись и даже подавившись слюной; того я не понял, поскольку всегда по возможности стараюсь провожать девушек-знакомых и никак этим поступком никогда никого не выделяю: вероятно, её обрадовала встреченная в моём лице безопасность. Дело не столько в длительности пешей дороги до дома, сколько в уже моргающих позади мрачной угрозой экзаменах: свободного времени почти не остаётся, и потому приходится ездить на метро и автобусах, рискуя их пассажирами и отвлекая себя от дел ещё и виной, просачивающейся прочно вбитыми в голову вшами. Преподаватели двух дисциплин из пяти экзаменационных полностью переиначили итоговые билеты, и потому значительную часть этого месяца я собираюсь провести не только за повторением уже вызубренного материала, но и в весьма усердном изучении новых знаний, во время занятий не нашедших никакой приличной формы. В качестве студента я специализировался на фотонике и оптоинформатике: нельзя сказать, что это направление восторгало меня, но пока обучение удавалось довольно складно, и то было мне достаточным.

В темноте овального отверстия, напоминавшего открытый рот, было что-то предательское, выжидающее, и Даниил колебался. В его ленивом ожидании сна появление Иеремии было бы совершенно неприличным, и потому его друг, щёлкнув вспухшей лёгким свистом ручкой, сильно раздосадовал соседа.

— Однако... однако ты пришёл.

Солидность речи, несколько сниженной мятой футболкой с большим фактурным пятном от любимого шашлычного кетчупа Дани, встретила незаметно для себя вспотевшего Иеремию, при входе в квартиру распаковывавшего швы, уже третий раз перематывающиеся пропитываемыми жирным маслом вытекающей лимфы бандажами.

— Лежал бы ты... — рука, обмоченная посеревшей краснотой пелёнки, сбившейся в небольшой, чуть рассечённый тонкой пустотой цилиндр, еле видно подрагивала, на лице студента выделяя сжимающую лоб боль. — А, ладно. Лежишь тут.

— А? Я отдыхаю сегодня, у нас пары кончились уже.

Опухшая наглость очевидно привирающего студента не раздражала его друга, однако порой Еря боялся за Даню: столь он был несамостоятелен и иногда прозрачно глуп, что тот же неблагородный страх за продолжение совместного проживания порой проявлялся в Иеремии самым предметным образом.

— Точно? — проглатываемый в промежутках между словами воздух упирался в горло студента, и тот мог говорить только едва приглушённым, звучащим крайне неуверенно голосом, — у тебя ведь только вчера было целые четыре пары. Ты же и прогулял три из них...

— Еря, всё нормально, — не раз за день Даниил мог манкировать чем-то с полной уверенностью в ничем не подкреплённой правоте с совершенно беззначной улыбкой, растянувшейся также и наглядным укором собеседника в его глупости: именно эта вечная претензия и обыкновенное недалёковидным людям презрение ближнего из интуитивного знания своей низости была в Дание самым невыносимым качеством, да Иеремия привык к этому и ещё множеству из слабостей друга. — Расслабься, ты вечно: вечно ты напряжённый.

Если слабость Дани выражалась в произвольном перенесении тугоухости собственного ума на собеседника, Иеремия порой грешил честностью: нередко, оскорблённый малодушным соседом, он хочет припомнить правду: припомнить, как тот, валяющийся в жаре запотевшей его ленивым дыханием комнаты, воплощает жизнь, ради которой пожертвовал собой его брат. Тогда в оскалившийся ум Ери просачивается образ столкнувшегося с этим знанием друга, и после того: после того только пустота; Даниа действительно был не из тех людей, что могут рассудить всерьёз, и почти точно можно сказать: в ответ на эту реплику он способен лишь случайно натянуть на себя выправившуюся длинной дугой улыбкой и промолчать или сострить, в дурноте незначительного доброго разговора выставив себя правым. Наследственность, подобно силе тяготения, имеет свои законы. Иеремия, хранящий на шее память о бабушке, считал совершенно кощунственным неспособность Дани вспомнить о брате, что умер, если так можно сказать с легкомысленной, только более утверждающей светлую память весёлостью, совершенно выгодным для своей биографии образом. И более всего смущала слабость в этом его родителей, в особенности отца, почему с тем Еря и не мог

взаимодействовать в полной мере открыто; вероятно, мысли эти также продолжали и готовность Иеремию пожертвовать собой ради другого человека: такое слабое постыдное решение души отца его друга не оставляло в покое человека, возможно, всё же надеющегося на посмертную память в связи с отсутствием прижизненной.

Мысли, скоро пробегающие в голове оскорблённого студента, сбились звонким вопрошающим мяуканьем. Игорь, быстро выбежавший из туалета, круглыми глазами начал разглядывать ослабшего хозяина, но даже с тем: даже со вполне ясным осознанием усталости Ери толстый кот, уверенно переваливающий зычно топающие об пол лапы, не смог сдержать в себе чуть менее обычного громкий порыв просьбы, так и не приглушённой знанием уже почти на физическом уровне о щедрости Иеремию, иногда даже причиняющего своему коту вред неспособностью ответить необходимо сурово. Добравшись до дома только к часу ночи, парень до трёх учил совершенно новый для него материал, уснув в любовном объятии с громко мурчающим котом на заправленной кровати, несколько сбившейся раскинутыми в разные сторону ногами.

Несмотря на совершенно рассудочную жизнь, подвергающую любое событие анализу и стремящуюся к прогнозированию как можно большего количества явлений, Иеремия был всё-таки ведом чувствами, хотя и не в той же форме, в каком оно определяет жизнь представителя богемной молодёжи, убивающейся пафосом своих опийственных наслаждений, выставляющих их родителям открытый стекающими к полу вязкими слюнями рот. Многие в теле парня сопротивлялось приличному соприкосновению с объективной реальностью: руки его зудели и облезали спадающей большими лоскутами кожей, зрение всегда подводило вечно неверно подобранными линзами и очками, а вкус вообще отсутствовал. Так, и в самом выгодном мгновении Иеремия едва сможет понять облик окружающего его мира в силу самых обыкновенных физических преград: к тому всегда добавлялись гораздо более страшные его уму боли, из-за которых он отвлекался и уже не был способен даже самым скромным образом вникать находящемуся рядом объекту. То не могло не оставить след на поведении студента и, что гораздо важнее, на его восприятии: всегда отвлекаясь на боли и угрозы от жизни, он, действительно, частично реализуя программу уменьшения себя в этом мире, знал только очень небольшую часть своего окружения и действительности. Иеремия жил как бы в густом, отравляющем незнанием и бредом тумане, всегда только догадываясь о толке наблюдаемого явления, но никогда не зная его по-настоящему. На работе и дома он всегда был чужим: никакое занятие, никакое место не могли внушить ему хоть далёкую родственность к себе, и даже любовь к своим маме и отцу он испытывал скорее произвольной природой души, самостоятельного решения по отношению к ним никогда не совершавшей. Иеремия не знал этого мира: он был ему незнаком так же, как незнакома ему его же внешность; он не знал

истины, но разумел каждую деталь, что прерывала его путь к ней, хотя о том он, видимо, так и не догадывался. Иеремия не знал этого мира, но боялся его, ведь Он, молчаливый, ужасающий своим кипящим гигантизмом, стремился его уничтожить.